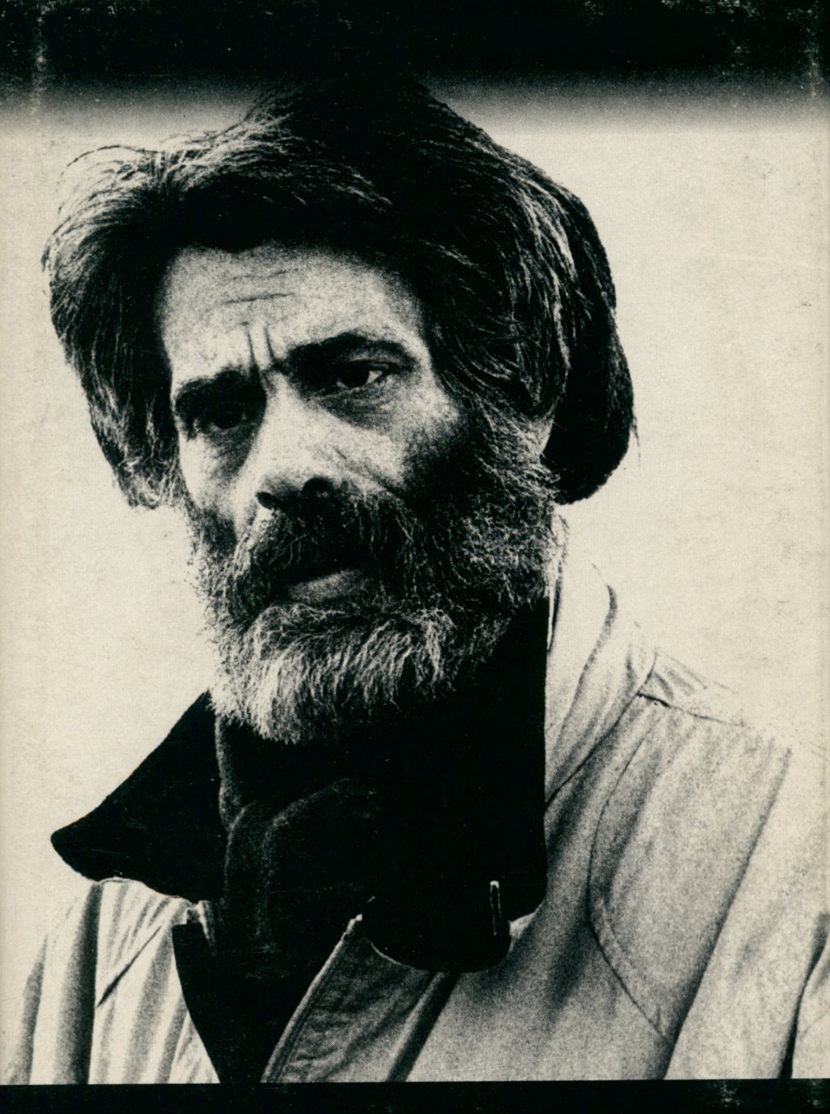


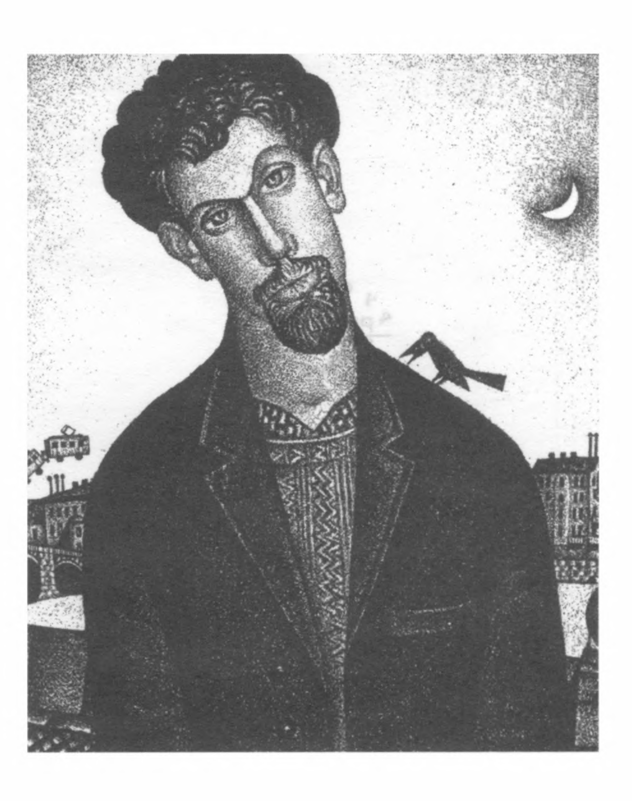
ВИКТОР КРИВУЛИН

Стихи после стихов

ВИКТОР КРИВУЛИН

Стихи после стихов


РУССКИЙ
P.E.N.CLUB
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ



ВИКТОР КРИВУЛИН

Стихи после стихов





Издательство
«Петербургский
писатель»
Санкт-Петербург
2001

Русско-Балтийский
информационный центр
«БЛИЦ»
Санкт-Петербург
2001

ББК 84 (2Рос-Рус)-5
К82

Серия «Русский ПЕН-клуб»

На суперобложке
фото Ю.Н.Щенникова

На фронтисписе
портрет В.Б.Кривулина. 1967 г.
Литография Валерия Мишина

Кривулин В.
К82 Стихи после стихов. – СПб.: Издательство «Русско-Балтийский информационный центр "Блиц"», 2001. – 144 с.

ISBN 5-86789-135-6
ISBN 5-88986-033-X

В новую книгу известного петербургского поэта вошли произведения 1980–2000 гг.
В книге сохранены авторская орфография и пунктуация.

ISBN 5-86789-135-6
ISBN 5-88986-033-X

ОТ АВТОРА

Название этой книги прочитывается в ряду других: «Жизнь после жизни», «Искусство после Холокоста» и, наконец, «История после истории». Я не рискнул бы обратить внимание читателя на это обстоятельство, если бы не случайное совпадение. При подготовке к печати оказалось, что корректурные листы «Стихов после стихов» выведены на обороте другой книги — на фрагментах добросовестного сочинения, посвященного истории так называемого власовского движения и судьбам отдельных его участников. Мои тексты, как в гофмановском «Коте Мурре», были как бы включены в некий чужеродный (но огромный, трагический!) контекст. Они выглядели нелепо среди послужных списков, перечислений карательных или казачьих частей и русских армейских команд, воевавших если не в нацистской форме, то рука об руку с оккупантами, биографий, заканчивающихся фразами *«Повешен во дворе Бутырской тюрьмы...»*, *«Расстрелян...»*, *«Погиб в Гулаге, дата смерти неизвестна...»* Мои дед и бабушка погибли от рук карателей в Могилеве, и у меня нет оснований сочувствовать тамошним поли-

цаям, но есть человеческое измерение истории — оно оставляет вопросы, на которые скорее сможет ответить поэт, нежели историк. Измена и прощение, иллюзии и расплата за них, беспомощность отдельного человека, вовлеченного помимо своей воли в круговерть событий, смысла коих он не может понять, — все это фактически сквозные музыкальные темы этой книги, определяющие не только ее тональность, но и жанр.

Январь 2001 г.
Санкт-Петербург

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СТИХИ ПОСЛЕ СТИХОВ

Тексты 2000 года

ГУЛ ПРОГРЕССА

из-за леса
гул прогресса

ретроградные гудки
от реки

ну а вечность — вид с откоса
Фет беседка папироса
вопросительный дымок...

да и я бы — кабы смог —
жил не здесь но в том поместье
где роза срезанная вместе
с крупной каплею росы

тешит розового беса
в предзакатные часы

БЕЛЫЙ ПЕПЕЛ

белый пепел поет на своем бельканто
пепел белый звенит
и не жалко слушателей но музыканта
жаль за то что закатанные в зенит

пусты глаза его той пустотою
какая воспроизводит себя каждый вечер
после семи
исключая субботы и среды время простоя
зону отдыха Бога семьи

в эти редкие дни он едва не библейский плотник
или столяр евангельский,
что прилаживает столешницу в том саду
где опустится вечер любви на вопленье больных
животных
на едва ли кому-либо слышимое: *Иду*!

хозяин торопит — гости уже на подходе
слезятся доски стола смолянистой слезой
а вино затевает речь о своем урожайном годе
оно в кувшинах густеет как воздух перед грозой

но не для него... предстоит окончанье работы
и в театре служебный подъезд
и в буфете булочки с кремом приторные до
рвоты

вкус обыденной жизни радующий кого-то
но совсем не его... он как пятница средь воскресенья
в оркестровой пропасти в пепле который поет

ПРОМЕТЕЙ РАСКОВАННЫЙ

на своем на языке собачьем
то ли радуемся то ли плачем
кто нас толерантных разберет
разнесет по датам по задачам
и по мэйлу пустит прикрепив аттачем
во всемирный оборот

зимний путь какой-то путин паутина
мухи высохшее тельце пародийно
в сущности она и есть орел
на курящуюся печень Прометея
спущенный с небес — и от кровей пьянея
в горних видах откровение обрел

оттащите птицу от живого человека!
пусть он полусъеденный пусть лает как собака
нету у него иного языка!

летом сани а зимой телега
но всегда — ущельем да по дну оврага
с немцем шубертом заместо ямщика

путь кремнистый путь во мрак из мрака
в далеко издалека

СТИХИ В ФОРМЕ ГОСГЕРБА

весь мир

весь мир которого нет
весь на экране как на ладони
поле гадания...что выпадает? валет
или шестерка треф но вали вперед!
хлопоты злая дорога худые кони
иные версты иные дни
берег твой дальний
там и живу я
где вертухай виртуальный
круговую песню поет
сторожевую

ВОЙНА В СТАРОЙ СТОЛИЦЕ

стало красочно и блёстко от дешевых
от кайфов китайских
и блаженны ящерицы в женах
и шары фарфоровые совершенны в яйцах
(Китайский Новый год)

в центре бывшей империи зябну
скоро совсем нахохлюсь и перейду на щебет
заговорю по-ханьски
с пьяницей Бо Цзю И

здесь уважаемый на месте старой столицы
среди чжурчженей и северных шу
мы живем как в пограничном гарнизоне
я и стихов давно уже не пишу

так, записки начальству о состоянии нравов
да и то белой тушью по синей бумаге
слишком тяжелой и плотной
для полнолунных бесед

все о том же — о состоянии нравов
о ветрах восточных они всегда под рукою
за воротом и в рукаве халата
и в иероглифе *ночь*

уголья на железной жаровне
остывают как синева под ногтями
у солдатика из новобранцев
откуда набрали таких

большие войска разбредаются по округе
чем воинов гуще тем ночи темнее
дни короче зато прозрачней
суп-лапшевник

варвары любят шелк и едят на тонкой посуде
мой терракотовый чайник их не прельщает
грубая красная глина эпохи Циней
где ей здесь настоящий ценитель?

РАЙСКИЙ ПЕЙЗАЖ БЕЗ ПОРТРЕТА

беглый холодный огонь
предваряет вползанье Дракона
из тысячелетья другого
где уже ни о ком

ничего-то в сердцах не сказать
ни хорошего брат ни дурного
да и полно вам нищую душу терзать
и склонять сокрушенное Слово

рай вещей обещая
клонированных овец
бессловесное стадо в долине

он с коротким лицом Человеколовец
не успеешь запомнить — какой бы ни виделась
длинной

жизнь земная

ШЛЯГЕР ВЕЩИЙ

лучше свет непониманья
ложные его лучи
чем густая тьма в тумане
говорящая: *молчи!*

ночь молочно-кровяная
вся снаружи вся внутри
по словечку отрывая
от огромного *смотри!* —

шляется он шлягер вещий
целы ночи напролет
словно краденые вещи
тайно перепродает

по сомнительным по клубам
по притонам голубым
то прикидываясь глупым
то проигрываясь в дым

то совсем среди софитов
высветясь как пыль и прах
в пепел обращает свиток
жизни свитой в небесах

НА МОТИВ ДОСТОЕВСКОГО

смирился гордый человек,
со всем смирился
все так бы до смерти ему
смотреть с прищуром
на смутный снег
на крупный снег смоленский
на слепленный из тьмы
и взятый контражуром
слепящий силуэт

ЗА ЛАРЬКАМИ

отойдем человек ненапрасный
за ларьки от заряженных водок
территория мира, пустырь
где заря да лазурь да солдат-первогодок
(вечно полуголодный расхристанный старообразный)
горсть патронов меняет на дурь

СОРАБОТНИКИ

ты работаешь на дядю
я работаю на тетю
поменяемся не глядя
отношением к работе:
розовым — на голубое.
Бог со мною Бог с тобою

УРОК СЛОВЕСНОСТИ

на гусениц похожие училки
учили нас не ползать но летать:
у собакевича особенная стать
у чичикова личико личинки —
все это мне до смерти повторять
до вылета из кокона — в какую
непредсказуемую благодать?

2000

как бандюга из майами
в бежевом кабриолете
мимо беженок чьи дети
с бомбой возятся в кювете

катит год с тремя нолями
с гордым видом с мордой стремной

где-то шорох костоломный
слабослышащих мужчин
рев совсем других машин

бесконечные колонны
лет поворотивших вспять

ГРЕБЧИХА

всем нашим выдали по первое число
в седьмой последний день творенья
когда гребчиха выходная
о гипсовое опершись весло
перевела тяжелое дыханье
и обнаружила что вся она в снегу
что кое-где из проволоки ржавой
она спортсменка сооружена
и никакой посмертной славы

работница веретена
по воскресеньям — первая регата
садово-парковая ранняя весна
из публики — одни солдаты
чьи на обломках имена
тупыми процарапаны гвоздями
чтобы никто никто их не прочел

ВЫТЕГРА

ах ты Вытегра
откуда вытекла
что вокруг себя Вытегра
видела
что ж ты бедная видела
пока текла
ах что я видела-видела
покатила я
пока текла
черно бревнышко
по воде воде горбатенькой
с белым донышком:
незабористо живете здесь
небогатенько
а и чем ни обзаводитесь
собачонка ли кошатинка
сами сами все по берегу
босиком да незаправленными
а туда же в ту америку
за стволами лесосплавными

ЛЮТЕРАНИН

еврейский юноша крещенный в лютеранство
и врать не ученный и с детством не в ладах
зачем тебе литературное тиранство
роль писчей совести при вечных господах

откуда эта спесь игра в аристократа
все красная да черная икра
азовских осетров разделанных когда-то
на царском пире Первого Петра

для европейского приталенного платья
вертлявый чересчур и чувственный — и вдруг
он ослеплен как Савл он восклицает: *братья!*

обнимемся восплачем образуем
всечеловеческий мильонолиций круг
под Шиллеровым рататуем!

ЯПОНСКИЙ ПЕРЕВОДЧИК

я был наверное тем самым
японцем что явился людям
с переведенным дурно мандельштамом
но русскому суду за это неподсуден

пускай меня возьмут на суд китайский
пускай позорную повяжут мне повязку
пускай посодят связанным в повозку
и возят по стране пока я не покаюсь

что не проник ему ни прямо в душу
ни по касательной, что никаким шицзином
не поверял строки с притихшим керосином
что сторублевок жертвенных не жег
на примусе пред Господом единым

поэт зашитый в кожаный мешок
подвешенный к ветвям цветущей груши —
он тоже соловей
хоть слушай хоть не слушай

СВЕРХЛЮДИ ВО МЛАДЕНЧЕСТВЕ

любишь маленьких себят?
ах люблю их если спят
и становятся все меньше

наклоняются сопят
надо мною уберменши
тот же в общем детский сад

те же крохи но вполнеба
застят свет не влазят в глаз
неуклюже и нелепо
в маленьких играют в нас

СУЩИЕ ДЕТИ

сущие дети они
ладони в цыпках
заусеницы ссадины шрамы
гусеничные следы
колени да локти в зеленке
под ногтями — воронеж тамбов
пенза или зола арзамаса
там я не был но все поправимо
буду быть может
еще не вечер

ПОКОЛЕНЬЕ НАДЕЖДЫ

поколенье надежды
чуткое к мелочам
сперли вот якорь чугунный
бессмысленный в полтора
человеческих роста
с тумбы у Адмиралтейства
есть в этом что-то
романтически светлое что ли

НАДЕЖДА И ОПОРА

опора наша и надежда наша
о дети поврежденные войной
одетые в подобье камуфляжа
с нагрудной наградной дырой

водили их как скот на водопой
по тронным залам эрмитажа
пускай потрогают хоть отблеск золотой
той роскоши и славы чья пропажа

волнует меньше их чем гильза в кулаке
чем почернелый угол позолоты
в подножии колонн

тайком назло тоске
там даже можно выцарапать что-то —
козел басаев или *хуй наполеон* —

и тихо раствориться меж своими
и — к выходу... что остается? имя?

БЛИН

такие вот брат блины
глядя со стороны

то ли полет шмеля
то ли парад планет
тихий дурак поет
шумный дурак шумит
да и мы неумны
слушая то и то
как бы с той стороны
где подкладка пальто
перелицована в плащ
с кровавым подбоем, блин

ИМПЕРИЯ ПАЛА

вот уж повеселимся
Империя пала
нынче только безногий
не спешит к ней вприпрыжку

чтобы изловчиться
и как следует вмазать
носком сапога
в бок тяжкодышащий

благо на складах
армейской обуви прорва

МЫ ЗДЕСЬ ПО-ПРЕЖНЕМУ

пропади они пропадом говоришь
ну и что?
они и пропали

мы-то по-прежнему здесь
мытари и полудурки
сволочь Богоспасаемая

сволочь а до чего Ему жалко —
даже подумать стыдно

НА ЧУКОТКУ

умерли не все — но изменились
кажется что все кого я знал
словно бы заранее простились
с цепью фонарей уроненной в канал

и отправились — кто степью кто чугункой
кто по воздуху пройдя через магнит
на чукотку жизни где звенит
вечноюный снег а древняя трава

расступается и обнажает вид
на блаженные чужие острова
за проплешиной родного океана

БАХ НА БАЯНЕ

помнишь баха на баяне?
убаюканный чаконой
волк-чабан смежает веки

и подпав под обаянье
темы точной как в аптеке
мыслит ядерщик ученый

о грядущей тьме о точке
первотворческого взрыва...
ты рожденная в сорочке

вся страна сплошное ухо
для единого мотива
для общеизвестной вести

слышно плохо в горле сухо
но глаза увлажнены
если мы приникли вместе

к репродуктору больному
и не слушать не вольны
будто ждем: прервав дремоту

музыки бредущей к дому,
наконец-то скажет кто-то:
Кончилось. Вы — спасены

ЛЕКЦИЯ В ПЛАНЕТАРИИ

об Ужасном но Огромном
слушанья по воскресеньям
скушным голосом астроном
слабым голосом крысиным

говорит: не уцелеем
говорит: небесным силам
больше нету окорота

было место при царе им
где-то сверху где-то сбоку
от престола с мудрым змеем

а теперь они повсюду
каждый атом как собаку
выманили на охоту
на Сплошного Человека

на материю-иуду

ОДЁЖНЫЙ ЛАЗАРЬ

вещи нужные в хозяйстве
нелюбимые — но терпим
телевизор ли глазастый
чеховское ли — Ich sterbe! —
выражение у кресла
на интеллигентной спинке
где повис пиджак воскреслый
после чистки и починки

все вокруг меня как лазарь
возвращаемый насильно
к жизни к тусклым пересказам
некой паузы тактильной —

вышел вон из тьмы родильной
в безначальный плеоназм
тих, белес, неузнаваем
ни к чему не применим —
словом, то что называем
воскресением своим

МИР БОЛЬШЕ НЕ БУДЕТ БОЛЬШИМ

больше не будет большим
весь этот белый свет
вот соберемся решим
что вообще его нет

что он переполнен готов
да и в окнах одна духота
хорошо хоть разных цветов
цитируемая в никуда

из ниоткуда... свист
над микрофоном — речь
всяк человек артист

соком ему истечь
клюквенным не сказав
в сущности ничего

жалко да не его
он-то совсем не прав
слева ему и лечь

к темной славе спиной —
косточкой теменной
чувствуя: не убечь

ПРОВИНЦИАЛ

москвичи ушли из булошной в концерт
слушать своего арбатского карузу
пусто в центре. выдает акцент
фраера-провинциала
не привычного еще к чекистскому картузу
кожаному в клиньях волевых...
что картуз! подстилка, половик
здесь наделены сознаньем пьедестала
чувством несклоненной головы.
а ему бедняге мало мало
мало власти недостаточно москвы

ИЗ ГЛУБИНЫ

обыватель гладкошерстный
глянет с явной неприязнью
на курчавые на перстни
выходца из Прикавказья —
и айда к себе на службу
в институт ксенофобии
в тишину серо-жемчужну
в глубину где молча били
бьют и будут бить покуда
мир не потеряет цвета
став прозрачным как цитата
но и горьким как цикута

ПЕРЕХОД НА ЛЕТНЕЕ ВРЕМЯ

яд — сократу мед — платону
нам бы солнышка да пчелку
или кошку на окне!

зря держали оборону
заряжая как двустволку
книгу взятую с плеча

не держал я оборону
не прилаживал двустволку
у плеча и страшно мне

что вокруг сезон охоты
прошивают вертолеты
воздух — царскую парчу —

для нагой своей свободы
строят платье из погоды
райской — дескать, облачу

в солнце, празеленью трону
и гуляй себе в траве
но цивильно по закону

Государство — по платону
время суток — по москве
время летне время оно

ЛЕТНЯЯ РЕКРЕАЦИЯ

июнь с пивными фестивалями
юг арендуемый (но в долг)
поволновался и умолк
народец вечно раздеваемый

его берет погодка тихая
за шиворот и он потек
и много ль времени натикало
в его нестиранный платок

уже не знает и не ведает
но отдыхает от себя
в садах с ампирными лафетами
с решетками и парапетами

где еле языком ворочая
скативши глазоньки в кулек
гуляет совесть нерабочая
не рубящая уголек

ПОДСОЛНУХИ

Подсолнухи. Ван Гог. Опять аукцион
я список лотов дочитал до середины
и вышел вон
из недокупленной надышанной картины

но за стеклянной дверью на балкон
еще трудней дышать — они соорудили
индустриальный вид со всех сторон
бесплатный видимо однако обратимый

в бумаги ценные — а там изображен
все тот же издыхающий подсолнух
за жизнь цепляется за воздух за газон

толпой подростков полусонных
когда-то вытоптанный... кто из них на зонах
кто в бизнесе кто выслан как Назон

в Тавриду хладную в Румынию больную

СОНЕТ С ОБРАТНОЙ ПЕРСПЕКТИВОЙ

Айвазовский перед морем лихоимства
с кисточками разной толщины
и шерстистости

П.Филонов от Союза Молодежи
на пиру отцов официальный гость
но без места без прибора

свой Малевич на столе святого Казимира
с воем-скрипом на цепях пополз Кандинский
новое взошло паникадило
в барабане церкви старовизантийской

и конечно мы без имени без рода
неизвестно я или не-я
это видит из толпы у входа
из безвидности из недобытия



ЧАСТЬ ВТОРАЯ

СТИХИ ПОСЛЕ СТИХОВ

Тексты 1999 года

СТИХИ ПОСЛЕ СТИХОВ

стихи после стихов и на стихи похожи
и не похожи на стихи
от них исходит запах тертой кожи
нагретого металла — ну так что же

и вовсе не писать? подохнешь от тоски!
поставят камень с надписью: *«прохожий,*
остановись у гробовой доски
она гнилая вся и к обращенью «Боже»

ни крепкой рифмы нет ни мастерской руки
ни рта раскрытого — прикрой хотя бы веки»
Вдали шумят чеченцы и ацтеки

а здесь бело и тихо, как в аптеке
то звякнут о прилавок пузырьки,
то выскользнет монетка и покатит

по кафелю — куда?! легла себе орлом
в углу где слава где победный гром
гремит в стихах и кстати и некстати

ПОВОД ВЫСКАЗАТЬСЯ

как посудомойная машина
звякала душа моя и дребезжала
жить мешала

попросту без энергосистемы
без вопроса: где мы?
в пустоте ли? в гуще ли? в струе ли?
есть ли я на самом деле?

если есть — тогда куда я? где я?
где я здесь — идея или провод?
или просто заковыка никакая
повод высказаться и не лучший повод

МИЛЛЕНИУМ НА ПЕРЕСМЕНКЕ

кто пил из черепа отца
кто ел с чужой тарелки
но тоже не терял лица
не портил посиделки

и даже кто не ел не пил
а просто был допущен
стоять на стреме у перил
да кланяться идущим

на пир ли с пира ли где спирт
с бандитом жрал есенин
где мордою в салате спит
испытанный хозяин —

все провожая каждый год
в небытие к монахам
как радовались мы что вот
живем под новым знаком

год уходил а век торчал
с новорожденным студнем
в обнимку и мороз крепчал
и штамп стучал по судьбам

он пропуск выписал себе
в тысячелетье третье
по блату, по глухой алчбе
по страсти к малым детям

и думаешь после всего
что он сплясал на цырлах
отпустят беленьким его
с переговоров мирных?

ТЕКСТ

текст говоривший мне: *умри!*
так тяжело теперь так жалко умирает
а я живу еще. я у него внутри
живу и радуюсь пока редактор правит —
заглядывая в словари —
нас не уравненных со Словом
ни в пораженьи ни в правах

текст притворявшийся готовым
законченным, на головах
покоящимся до скончанья века —
теперь поплыл... на берегах его
что ни руины — то библиотека
что ни жилище — пусто никого

народ сбежал за бессловесным хлебом
за горизонт где сходится земля
пускай не с тем седьмым последним небом
но с чем-что вроде задника на сцене:
аляповато-яркая заря
холодные косые тени...

зато накормят и не спросят ни рубля
ни даже полкопеечной цитаты
из текста умирающего в нас
как безымянные солдаты
под легкий веселящий газ

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

1. хоть бы кто

хоть бы кто-нибудь хороший
к нам пришел бы и сказал:
жить не страшно жизнь короче
прыснувшего от зеркал

зайца солнечного... что ж ты
поворачиваешь вспять?
взяли банки взяли почты
взят вокзал — чего с них взять

пусть берут-перебирают
да только окна отворят —
сразу арфы заиграют
и гитары зазвенят

2. хоть бы кто—нибудь

хоть бы кто-нибудь хороший
к нам пришел бы и сказал:
жить не страшно... жизнь — короче —
не дорога но вокзал

место где мы бомжевали
между тетòк меж колонн
музыка полуживая
в репродукторе колом
вставшая

но время! время
устремляется стремглав
на разъезд забытый всеми
там один лишь величав

памятник под простынею
то ли не открыт пока
то ли тучей снеговою
схвачен взят под облака

и подлунные платформы
подле цоколя его
так пустынны так просторны
так лежат ни для кого

что продрогший страж порядка
под позорным фонарьком
обнаружится как взятка
всунутая нам тайком

3. хоть бы кто—нибудь хороший

хоть бы кто-нибудь хороший
к нам пришел бы от господ
по его по сытой роже
кто псалтири не прочтет

он бы стал перед народом
как бы ходит по водам
и приказывает водам
и пеняет неводам

я в толпе его улова
как бы на полях письма
неразборчивое слово
стих от первого псалма

о собраньи нечестивых
о блаженном мужике
в пальмах фигах и в оливах
в лоне правды как в мешке

ВИД НА РОДНОЕ СЕЛО

садись придурок на пригорок
пиши придурок пеизаж
родной деревни Кьеркегорок
где после хая и разборок
царят хаос и раскардаш

сажусь пишу читаю канта
малинового. На штанах
пузырится, пестрит ландкарта —
штандарты царские, сплошная пропаганда
приватной жизни в четырех стенах

при вате женщины, мужчины при оружье
и все твердят прощай прощай прощай
село родимое икра моя белужья
когда-то осетровый край

ОКОЛО

около Куоккалы
не летают соколы
сколько бы ни звали их —
не живут в развалинах
где лягушка квакала
где сова аукала

ничего высокого —
ни звезды ни сталина
и кому Куоккала —
кошка промяукала, —
и зачем Куоккала
если нету пугала

ни вокруг ни около

БЕЗ НАЗВАНИЯ

ботиночки со скрипом
со смехом пальтецо
жива одним спасибом
пьяна когда в лицо
ей солнышко и ветер
и даже дождь не в лом

а если лихолетьем
когда-то назовем
ее лихие годы
ее крутой маршрут —
то не ее заботы
а наш загробный трудъ

ЗИМНЯЯ ПЕСНЯ,
ИЛИ
ПОХОРОНЫ БАНДИТА

собираются свидетели полураспада
песня зимняя звенит звенит за ними
как заржавленная мерзлая лопата
закопали в землю и завыли
волчьи дети поминая брата
связки рвя голосовые

САМОЕ ТО

дворянин сидит в усадьбах
шляхтич по полю пылит
хирш на похоронах-свадьбах
душу людям шевелит

я мурлычу мендельштама
что-то с пеньем аонид
связанное но не прямо

слева тополь справа скит
посредине — это само
что рыдается навзрыд

ДОЛЛАР НА СТОЛБЕ

темные великороссы
(хуже некуда идти)
у метро торгуют розы
вымерзшие до кости:
«доллар мать его ети!»

доллар сытый и матерый
с мордой пьяного монтера
среди одурелых толп
лезет на фонарный столб —
«дяденька а свет-то скоро?»

лыбится победно сверху
вознесенный к небесам
сей недостоверный беркут
или как его... сапсан:
«будет — не боись пацан...»

СЯДЕМ — ПОГОВОРИМ

сядем нỳ поговорим
кто ограблен кто объеден
кто уехал греться в рим
кто за спичками к соседям
вышел и пропал — за ним

посылали но и этот
не вернулся... ничего
скоро лето к нам приедут
за наукой речевой

будто в грецию какую
где умеют помолчать
наливая и взыскуя
всяческую благодать

ЧУДНОЕ МГНОВЕ

зачем ты чудное мгнове
в моей засело голове
обломком части неприличной
от некой статуи античной

пускай набоков пояснит
что означает русский стыд
и срам, и детородный орган
метафизическим восторгом
как полотенчиком прикрыт —

зачем? за что и от кого? —

СТОЛИЧНЫЙ ДИСКУРС

боюсь я: барт и деррида
не понаделали б вреда
они совсем не в то играют
что мне диктует мой background

но михалков-маршак-барто
вот наше подлинное то
откуда лезут руки-ноги
киногерои недобоги

что ж получается в итоге
что весь новомосковский стеб
не гвоздь в иноязычный гроб

не ключик найденный в дороге
а мальчик тронутый убогий
от папы-адмирала в лоб

за слово *скважина* когда-то схлопотавший
и ставший старше

ГДЕ ЖЕ НАШ НОВЫЙ ТОЛСТОЙ?

странно две уже войны
минуло и третья на подходе
а Толстого нет как нет
ни в натуре ни в природе

есть его велосипед
ремингтон его, фонограф
столько мест живых и мокрых
тот же дуб или буфет

но душевные глубины
будто вывезли от нас
в Рио или в Каракас
в африканские малины

прапорщик пройдя афган
разве что-нибудь напишет
до смерти он жизнью выжат
и обдолбан коль не пьян

или вижу в страшном сне —
старший лейтенант спецназа
потрудившийся в чечне
мучится: *Не строит фраза*
Мысль не ходит по струне

ПИРОГ С НАЧАЛЬНИКОМ

(сонет)

пирог с начальничком румяный
с несытым ножичком народ
скрипя армейскими ремнями
наедет набежит сожрет

и вот внутри у нас живет
сознанье что обороняли
власть живота — но сам живот
как шостакович на рояли

играет вам не трали-вали
а марш походный марш вперед
и в барабаны гулко бьет

и если так — зачем сонет
где связанные *да* и *нет*
напрасно строили нещадно рифмовали

отцы — пройзводители побед

СТУДЕНТЫ ИМПЕРИИ

не добрали истины фриштыка не доели
голод с вечера и лекции с утра
вышколенные профессора
дули в уши им о чести о дуэли

на другое времени совсем не остается
нету времени хронически — одни
времена полночные а солнечные дни
вложены в холодные ладони песталоцци

он их пестует он за руку ведет их
риторическими тропами путями полководцев
к цизальпийской цели где привал и отдых

отдых наконец-то мертвый час казарм
до смерти уставший командарм
на солдатской койке... да и с кем сражаться?

уставной Вергилий или отставной Гораций
генштабисты вскормленные на трофейных одах
воры-интенданты и в обозах ворох

неперебеленных непрочитанных бумаг

СТУЛ ДЛЯ ГЕНЕРАЛА

на сцене стол да стул
за сценой рев байрама
достал меня аул
восставшего имама! —
и генерал зевнул
а дальше так, реклама

то есть на сцене стул
за сценой пилорама
вот мебель для акул
вот реквизиты храма
там генерал заснул
в костюме от Адама

во сне его на стул
сажают очень прямо
под инородный гул
под пенье мандельштама...
он шеи сам не гнул
ни перед кем ни шрама

одну из генеральских скул
как бритвою оккама
рассекшего не скрыл
под воротник пижамы
под грим под крем for screen
и вот ему награда:

застыл на сцене стул
изделие Царьграда

ЛЮДИ В ЖЕЛЕЗЕ

люди в железе и люди в пластмассе
муха подробная в янтаре
яблони выросшие на марсе
плодоносящие в январе
всюду смолисто-железистый привкус
зубодробительного плода
плещется плексус и пылится фикус
не поливаемый никогда
ни людьми в железе ни людьми в пластмассе
ни детьми их наклеенными на жесть
а механизму который сломался
место в музее все еще есть

НА—ВЕРНИ—САЖЕ

понеже
мы в манеже —
здесь небо нам пониже
и в неглиже земля
гляди: она и глина
она же чернозем
прёт из нее картина
морской пейзаж галина
галина бланка
вижу
туда мы и плывем
по волнам чая липтон
меж критом и египтом
к непознанным объектам
к недоотрытым криптам
за полный окоем!

что рассказать об этом
семейству за обедом
в объеденный свой дом
вернувшись белым дедом
ну да я был в манеже
там небо чуть пониже
и никакой продажи
бело как перед сном
объекты и коллажи
настолько плоски наши
следы в песке в пейзаже
что забываешь даже:
цель плоскости — объем

НА КОНКУРСЕ ПОЭТОВ

заплутавшие в музах
поэтессы в рейтузах
и поэты в бахилах

от словесных бацилл их
лишь першение в горле
клекот якобы орлий
прерываемый кашлем

а и вправду не дашь им
хоть какой-нибудь возраст

жизнь пошита на вырост
гуингнамова шерсть
лилипутова сырость

ПОСЛЕДНИЙ ПОЭТ

с поэтами сплошная скарлатина
и смерть нейдет и жисть не пережить
и в виртуальный шар простолюдина
их не ввернуть не встроить не пришить

ну разве что нестройный англичанин
прыжок — я в уме кой-как переведя
в окно сигает... мы его встречаем
уже у нас под шопоток дождя

в раскрытых окнах — он обезголосел
он охромел он севши на велфэр
теперь похож на болдинскую осень
на праздник пушкина в Уэльской ССР

он видимо и есть последний бард Европы
(по баратынскому) — и одному ему
исхоженные приоткрыли тропы
свою подкожную сияющую тьму

СУДЬБА ПОЭТА

в юности был стихотворец
нынче священник обремененный
детьми и собственным домом
без телевизора Дети о фильме «Горец»
услышали только в классе, на уроках закона
Божьего, только шопотом. Шопот казался громом

война ведется в горах самолеты,
говорят бесполезны. Оттуда приходят люди
с лицами хищных полуподбитых птиц
и шепчутся с их отцом и варенье из красной смороды
нахваливают но оставляют на блюде
горы окурков. И до утра имена европейских столиц

под потолком невысоким
в сизом дыме висят
в доме без телевизора но с огородом и садом

БАЛКАНСКИЙ ТОПОЛЬ

балканский тополь карточный Восток
за горизонтом взорванная впрок
сначала церковь а затем мечеть
сейчас там госпиталь пекарня время печь
армейский хлеб из кукурузной шелухи —
и в общем перспективы широки
а среди прочего не так уж там нелеп
американец пишущий стихи
суфийские — о Мельнице Судеб

ты спрашиваешь: чья это земля
чей зелен виноград чей горько-солон хлеб —
она ответит чуть пошевеля
плечом упертым в берега Босфора:

землетрясение побочное дитя
Резни и Распри, человеческого спора
о Боге и земле
ребенок-щель
этническую карусель
он обожает и глазенками блестя
следит как рушатся казармы и опоры
как накренился тополь-минарет
над пропастью неотомщенных лет

ГОРЕЦ

не витать никому в облаках над балканами
безнаказанным — и для двоих
мало одной земли а одному человеку
вообще как слону дробина
весь этот свет с облаками его и собаками
одичалыми в тех деревнях
откуда люди ушли
никого не прислав на замену

ВРАГИ

горстка их — но какая!
их разбойничья горская красота
не спасает

их *нивы* лихие
не плодоносят

но из них только ленивый
лунной ночью не ходит
на минированный перекресток
вооруженным
русских денег не просит

на прокорм голодающим женам
на проезд до Ростова
их сиротам
их обожженным подросткам

ВСЛЕД ЗА ТРОЙКОЙ

пули птицей полетели
вслед за полевой за тройкой —
не догнать конца недели
не прогнать тоски настойкой

степь рожающая горы
ширь забитая в теснину —
оттого здесь кони скоры
что вокруг едят конину

бел-поток шипя в каменьях
вывернулся весь наружу —
а нутро-то в черных змеях
в язвах измотавших душу

но скалистою волчбою
раздираемый терновник
видит небо над собою
словно волю — уголовник

ПИСЬМО НА ДЕРЕВНЮ

не казали б нам больше казаков рычащих: «*РРРоссия!*»
утрояющих «Р» в наказание свету всему
за обиды за крови за прежние крымы в дыму...

бэтээр запряженный зарею куда он к чему
на дымящейся чешет резине
тащит рубчатый след за холмы

а для раненой почвы одна только анестезия —
расстоянье доступное разве письму
в молоко на деревню в туман поедающий домы

В ДЕНЬ КСЕНИИ-ВЕСНОУКАЗАТЕЛЬНИЦЫ

О весна без конца и без краю!
Без конца и без края мечта

А.Б.

время тмится на часах без циферблата
вот уже и первая седмица
февраля и пленного солдата
вывели менять на пойманную птицу
на диковинную птицу-адвоката

и не спрашивают нужен ли защитник
время тлеет на часах без циферблата,
и хрипит их рация пищит их
частота нечистая от мата
а весна — весна мне только мстится!

без конца блок-посты и без края
вечная мечта — растаять раствориться,
отлететь резвяся и играя
в даль безвременья в надмирные станицы
в бой часов без циферблата

ПЕРЕГОВОРНЫЙ ПРОЦЕСС

пришел ахмет со своими людьми
исмаил со своими ушел
иранца беглого латифи
отмыли и снова содят за стол
переговоров а он балда
норовит повалиться вбок
то на спину то вообще туда
где ржавая впитывается вода
в золотистый святой песок

ЭХО В ГОРАХ

эхо в горах
это от голоса крови
дыбом встает каменный этнос
дымом черным пятнает
белые облака

НАПУТСТВИЕ

а лермонтову скажи:
пусть говорит аккуратно
строго по тексту
Библии или Корана

о нагорных малых народах
о черкешенках и о чеченках
стройных печальнооких
чтобы ни слова худого!

и вообще ни слова

СЛОВА СЛОВА

и стали русские слова
как тополя зимой
черней земли в отвалах рва
во рту у тьмы самой

меж ними слякотно гулять
их зябко повторять
дорогой от метро домой
сквозь синтаксис хромой

ИЗ-ПОД СНЕГА

Зима Крестьянин Торжествует Russia
Канун Филиппова поста
Метафизическая чистота
Снежком припорошенная параша

НА БЛОШИНОМ РЫНКЕ

не было смысла в рассеяньи русском
не было цели
куда ж разбегается травленный дустом
целый выпуск Лицея —
на поиски Бога? на встречу с искусством?
оно говорят панацея

и несет художник свой леченый панцирь
свой форменный китель
на блошиный рынок — но рядом с американцем
не продавец он а только зритель

ни карточки у него пластиковой ни счета
в нормальном банке
да и товар его так, на любителя: медвежья охота
соколиное небо горящие танки
и заразная карамазовская свобода —
что-то вроде испанки

ДУШНЫЙ ВЕТЕР

душный вечер закавычен облаками
отраженными в невидящих озерах
это может продолжаться хоть веками:
переплески перепевы смутный шорох

гром не грянет даже ежели и грянул
ливень рушится — дожди стоят стеною
рано спать еще а умирать не рано ль
рано высветлело озеро лесное

вас там нету как во сне где все иначе
нас там не было близ мокрого настила
по-над пристанью правительственной дачи
как восстало небо как перекосило

ту недолгую симметрию и скуку
что казалась бесконечной безначальной
тишина опознается лишь по стуку
то ли дятла то ли дядьки с молотком

гром не грянул и на крыше он верхом
прибивает молнию к фанере золоченой
к телу праздника — туда парадный вход
звездовидными гвоздями заколочен

ПОСЛЕДНЕЕ ЗАТМЕНИЕ

белая на балконе кошка
завыла совсем как собака
на луну заслонившую солнце
на затмившую солнце луну
последнее в нашем тысячелетьи
затменье
пасмурный Полдень

ВДОГОН ВРЕМЕНИ

на волосок я время не нагнал —
и враз в такое прошлое отброшен
где милицейский свист немыслим без горошин
где летний вечер переливчат

в раскрытых окнах на канал
битлы вчерашние мурлычат

о май безвременья о вечная весна
ледник сошел — остались валуны
и бабочки переполняют лес
порхание набоковских ванесс

но до ванессы мэй сигающей сейчас
из каждого окна —
как до луны

ДОМ ГДЕ НЕ ХВАТАЛО ЗЕРКАЛ

никогда в этом доме не хватало зеркал
по-хозяйски небо вползало
то в одно окно то в другое
то стоит при дверях как варяжский гость
в ожидании сумерек летних
легкой но нехолодной добычи

БЕЛЕЕ СВЕТА

на всех растерянности хватит
добра с довершьем
ну да, мы прожили некстати
где центр где стержень
не ведая но веря глухо
и веря слепо
что есть минуты легче духа
белее света

ТРУБА И БАРАБАН

нам — труба труба а им — по барабану
лишь придурочная скрипка на отлете
развалила умоляюще футляр
мелочь-музыка она и нищим по карману
и не славы ищет но простых мелодий
господа-товарищи вы здесь не на работе
здесь Воскресная халява Божий дар
царство Духа изводимого из плоти



ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

НА ПОРОГЕ

Тексты 1994 года

НА ПОРОГЕ

страшно ли что старшие ушли
что с детьми уже неинтересно
стоя на пороге на краю земли
перекрикиваться вечером воскресным?

временный расцвел зеленый дачный стиль
душные цветы качнулись и уснули
и журнальная к земле припала пыль
теплая, как босиком в июле

по залысинам проселка... но куда?
к речке или к станции? не все ли
мне равно десятые года
или сотый километр во чистом поле —

только бы далёко только бы как мед
медленно густея в обстающих
сумерках

КЛАДБИЩЕ ПОЧТОВЫХ ФУРГОНОВ

плыли полотняные фуражки
беспогонные гуляли кителя
и меня пугали набережной Пряжки
где кончается нормальная земля

там гниют почтовые фургоны
вогнанные в почву до плечей
и над речкой закопченной
одурелый свищет угорелый соловей

там — рассказывают — белые халаты
вырываются из розовых окон
и над самой кромкою заката
кружатся крича со стаями ворон
смешиваясь
а когда стемнеет
опускаются на землю столбенеют
и стоят безумье затая

провожая белыми глазами
тихими пугая голосами
подгулявшего какого почтаря

ВОЗДВИЖЕНЬЕ

воздвиженье хвои

беспомощную мощь
из глубины черно-еловой
спинным хребтом прочувствуешь проймешь
пунктир ствола и вертикаль чужого слова
и старчество его и вдумчивой коры
наружный мозг в извилинах и в морщи

здесь доживали выйдя из игры
свой век мыслители
а нынче
перемерши
располагаются удобнее дождя
вольготней тьмы вечнозеленой
угрюмым шумом в комнату входя
просачиваясь пятою колонной
в сознание

и глубже и темней
ничем не защищаемых ветвей

СКИТ НА ПЕРЕШЕЙКЕ

неестественно чистобородый в одной лишь холстине
объявляется старец на пальцах учить по-немому
о невидимом ангельском чине
о надежде на вкус приближенной к лимону

собираются в кучку адепты на выходе из электрички
добираются долго
теряя сомнительный транспорт

наконец
Голубиная речка и громоподобные птички
и запрет жестяной над мостом недорушенным распят

и о чем они спросят
когда со ступенек ледащих
их какая-то сила под землю швырнула?

бывший финский блиндаж
посредине пластмассовый ящик
сам как лунь восседает
и время его не согнуло

РУССКИЙ РАЗЪЕЗД

О русский разъезд
где камень-сухарь
с хрустом разъест
народ-голодарь

он крошки в карман
а рот на замок
срывает стоп-кран
кондуктор-совок

и локомотив
встает на дыбы
притормозив
у съезжей избы

ГОСПОДНЕ ЛЕТО

Господне Лето! ни шмелев ни шестов
такую не застали благостынь
аресты в мае в райскую теплынь
в июле в пору дачного блаженства
конвейерный допрос поток слепящей тьмы
здесь папоротник цвел над протоколом
и торф горел подкожный и такого
гримасничанья девы-Костромы
не ведал даже ремизов со сворой
своей прелестной нечисти
но вот
переломился август и народ
на освященье под крыло собора
антоновские яблоки несет
и запредельна виза Прокурора
поверх постановления ОСО

ПОЖАР В БАНе

не рано ли горят библиотеки?
восстанье книг ведомое огнем
тем горше говорит о человеке
чем больше напечатано о нем

пока — подавлено
расследуют начало
пожара... из глубин служебного двора
кубами, грудами вывозят самосвалы
еще горячее сгоревшее Вчера

четырехмерный пепел небывалый
конгломерат священная гора
где смешаны газеты унциалы
разрозненные номера
партейного или парижского журнала
в единый арарат в осмысленный массив

сюда еще потопа не хватало
чтобы любое чтиво упразднив
начать историю сначала!

чтоб новый Ной совместно с новым Хамом
демократический построили ковчег
покуда Океан смыкается над храмом
и мы уверены что каждый человек
достоин истины утерянной Адамом.

ЧТО ЭТО

россия — это что?
в каких низинах быта
рождаются часовни спортлото
оранжевые ризы кришнаита?

справляясь по любительским наброскам
равняясь на дворянское гнездо
на михалкова с кончаловским
в конце концов тут восстановят то
что может быть господствовало *до*

но восстановят обновленно-плоским
щитом пластмассовым на съезде с автострады
к лесному капищу к мистическим киоскам

какие там русалки и дриады
воспитанницы школы тэквандо!

ПЯТОЕ МАРТА

среди вселенского смеха и всяческой гили
правда лубочна
и даже на пересменке эпох
той же картинкой любуюсь как мыши кота хоронили
как щекотали его камышинкой — неужто издох?

серых теней вереницы впряженные в сани
челядь со стен фараоновых тесных гробниц
вышла на волю дурными пищит голосами
переполняя мышиную даль без границ

мы уже знаем как пахнет загробный морозец
как серебрятся полозья как сужен кошачий зрачок

по-генеральски
лазоревым ромбом

и ветер матросит
в шерсти его полосатой
плыви мол себе морячок

он-то плывет уплывает по мартовским лужам
и не поймаешь его не возьмешь в оборот
разве прикинешься будто и вовсе не нужен

место пустое

но центр композиции —
Кот

ПЕРВОЕ МАРТА

киносъемочной рысью пустили коней
полпути от Конюшни к Манежу
и взрывается бомба и юноша сросшийся с ней
к похоронному тоже пристегнут кортежу

здесь — рождение музыки или рыданье литавр
показательный первый полет неуклюжих валькирий
да не вагнер однако в зеркальные окна влетал
а громовый булыжник
метеорит из Сибири

ну а если оркестру сказали играть
то артисты громов не боятся
довольны
и гоняют по корде глухую скрипичную блядь
по Валгалле своей подневольной

ПО ТЕЧЕНИЮ ПЕСНИ

не увозили в марусях
катюшами не оглушали
что же я бедный боюсь их
девически-слабых имен
чьи звуковые скорлупы
флотилии чьих полушарий
вниз по теченью плывут
по державинской речке времен

жаль не устроили их
не уладили не удержали
ветер как будто бы стих
но отпущенный сверху маршрут
в тесную вылился песню
от края до края
площади полной знамен

я уже слов ее не понимаю
или не помню
одно лишь мычанье немое
невытравляемый тихий мотив
молча от моря до моря
всемирные крылья раскрыв
хищная птица летела

а все-то ей не оторваться
от вегетарьянской росистой травы
не возвратиться домой
в непривычное новое тело

ИЗ ЖИЗНИ СПИЧЕК

спички сделанные в чудово
свечке отлитой в лефортово
говорят *вали отсюдова*
стухни патриотка чертова

с печкою же из Голландии
кирпича цветного дутого
обращаются галантнее
спички сделанные в чудово

так и сыплются и стелятся
загораясь приговаривая
ты гори пылай, кормилица
ты вари нам чудо-варево

РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

воскрешая, Бог неистов
то разрушил то отстроит
павильоны эллинистов
в целлулоидных пластронах

целую пожрали вечность
ан пока еще не сыты!
и на что я с ними встречусь
подле статуи разбитой

Мира? анненский зелинский
жебелев или варнеке
поминальные записки
о Всемирном Человеке

вот он есть самоубийствен
и болезненно-веществен
мрамор доращенный гипсом
до предела в совершенстве

ОДИЧЕСКИЕ СТРОФЫ

чьей природе подражаем
листья бледные черня?
самозваный бог державин
самочинный бег червя
всё в извилинах туннелей
мыслит яблочко само
о вселенной о себе ли
превращаемом в письмо

я подобье адресата
в чьих раздавленных очах
буквы строясь как солдаты
под очаковым, во прах
повергают то ли турок
то ли хищных крымчаков —
я читаю полудурок
ноты полковых значков

и мерещится и мстится
голубое в серебре
с парковой императрицей
лейб-гвардейское каре

будто титульной страницы
многодышащая гладь
натыкаясь на ресницы
ершится мешает спать

КРАЙ ДОЛГОТЕРПЕНЬЯ

эти вечные бараки
этот выброшенный этнос
на ветер но как балакирь
исповедующий бедность
радуется зелененью
черных верб кустов крушины
своему долготерпенью

вышел немец из машины
слышит искреннее пенье
видит горные вершины
платит бешеные деньги
и довольный отлетает
от родимой деревеньки
где до лета снег не стает

ПОЕЗДКА ПО ГРИБЫ

грибная мексиканская душа
вселяется не требуя ухода
в грибницы придорожного народа
и там растет сырея и дрожа

созрели споры новые
охота
за мухоморами

как поутру свежа
слезливой плесени под лезвием ножа
поверхность обнаженная!
погода
ядреная

рассыпав грибников
по заколдованному лесу костанеды
в кюветах кузова грузовиков
гниют пустыми на исходе лета

но все вернутся все без дураков
с добычей слизистой и привкусом победы

МАЛЬЧИКИ

времена какие поздние!
с дикой осенью оружия
входят новости из Боснии
ничего кругом не слушая
ни весны им ни жемчужного
перебора капель сводчатых
среди света безоружного
в недоразделенных вотчинах
среди света слишком резкого
сослепу темно — и щурятся
из трактира Достоевского
вываливщие на улицу
недоспорившие мальчики
обведенные по контуру
линией кровавой начерно —
и понурые покорные

СТИХОТВОРНОЕ ПОСЛАНИЕ

не все еще друзья развеяны по свету
не до сухотки обезвожен ямб
но словно увлажненную газету
из-под надзора галогенных ламп
изъятую для чтения вслепую,
еще цитируешь послания в стихах
почти что по инерции тоскуя
почтовою тоской
ведя о пустяках
в один конец в обратный шестистопной
стрикуче-насекомою строфой
рассказ дорожный, медленный, подробный
и лишь по-видимости легкий и простой

СОСЕДКА

тишина заходит редко
и заходит не одна
с ней сестра ее соседка
мироносица-жена

входят шумную большую
улицу с собой внеся
одесную и ошую
сели — двинуться нельзя

взятый в клещи диалога
бедный греческий орех
мозга (экий недотрога)
сжался до размеров тех

где ни права и ни лева
ни покрышки и ни дна —
только лунка для посева
пусто место для зерна

в глубине их разговора
чувствую: для яровых
это время без простора
без умерших и живых

теснота она же почва
спертые до немоты
звуки речи многоточья
скобки скважины кресты

ОБЛАКА В МУККУЛЕ

коллективный пророческий сон
сколько серий его полуночных
мы смотрели с балкона пока накренялся балкон
и готовился рухнуть — как в озеро — в черный источник

в этот самый публичный котел
музыкального супа для бедных
где бурленье партера где облаком пара взошел
первый жар увертюры смятение струнных и медных

инструментов
смешение всех языков
наступленье листвы на листы партитуры
и победа слепого дождя над героикой тех облаков,
чей дописьменный эпос животный заоблачно-хмурый

неделим на слова
но сродни инфразвуку
растет на басовых глубинах

НОЧЬ НА МОРСКОЙ ГРАНИЦЕ

серебристые россыпи рыбьих чешуек
в устье черное реки
переменами ветра живут
перед нерестом лунным дежурят
пограничные городки

здесь народ бережливый
скупой на слова на желанья
ловит беженцев из глубины
из критических зон где скопилась тоска нежилая
и достаточно искры и даже не надо войны

УТРО НА УСТРИЧНОЙ ОТМЕЛИ

в дюнах — черные донья лодок
заусеницы устричного побережья
брызжет уксус погоды
хрустит перволёдок

по утрам неестественно свежий
ветер с моря несет газеты
запах резаного лимона
хлопья режуще-яркого света
рокот римского легиона

это пенье морской пружины
и прибрежную цепь десанта
слава Богу мы пережили
только мысленно
как досадный
эпизод

но зато с восторгом
из гостиницы над обрывом
ты глядишь навстречу когортам
на бараньи гряды с приливом
набегающие на сваи

наши наши пришли с востока
завоевывая затопляя
разливаясь вольно широко

лишь заложница колокольня
далеко среди океана
будто слабый укол игольный
но растравлена эта рана
атлантической смутной солью



ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

МУЗЫКА НА ПРОЩАНЬЕ

ПОЭЗИЯ И ПРАВДА

Фрида Aароновна Перельман, мама Лены Рабинович (впоследствии переведшей с латыни «Африку» Петрарки) и дочка последнего русского издателя Энциклопедии Брокгауза и Ефрона, как-то (не помню уже в связи с чем) сказала: «Для писателя нет бесполезных знаний». Это было сказано 40 лет назад.

С тех пор я формально сделался тем самым «писателем», для которого теоретически не должно быть «бесполезных знаний», но все еще не могу ни опровергнуть, ни подтвердить самоочевидной, казалось бы, истины.

«Иногда» (из рекламного клипа жвачки «Дирол») лучше не знать, о чем ты пишешь. Лучше жевать, чем говорить. А иногда незнание вроде бы убийственно для текста, как в случае, скажем, с моим школьным приятелем Женей Пазухиным, сочинившим в момент подросткового религиозного озарения такие строки: «Я паломником шел в Назарет, / Где родился младенец Христос...» Строго говоря, Иисус, конечно, родился в Вифлееме Иудейском, о чем сейчас знает каждый младенец, получающий рождественские подарки.

Но, поднимаясь вместе с другими паломниками в Назарете к храму Рождества Богородицы весной 1997 года, я вспомнил именно «ошибочные» строки — их нелепость приобрела как бы особое измерение «частичной истины» в арабском воздухе «столицы израильской пионерии», ибо наше появление в Назарете совпало с первомайским парадом местной пионерской организации — до боли знакомое кумачевое знамя с кистями, красные галстуки, барабанный бой, звук горна — посреди шумного восточного базара, обступившего храмовые строения.

Является ли мое знание о назаретянах-пионерах «небесполезным»? Или оно избыточно в свете Большой Истины? Вопросы не риторические, потому что я задаю их себе, выглядывая каждое утро в окно. Я вижу огромную, неуничтожимую пятиконечную звезду, которая, будучи грубо укреплена на вечных кронштейнах (скорее всего, это обрезки старых железнодорожных рельс), зависает над помещением Сбербанка, украшая угол бывшей 52 школы, куда я пошел в первый класс обучаться трудному искусству письма. Когда-то звезда светилась красноватым неоновым светом, освещая кусок Пионерской улицы, как некая древняя пиктограмма, несущая новое имя месту, известному прежде под названием улицы Гребецкой. При Петре I здесь жили галерники. Тоже небесполезно знать.

В помещении школы, где я учился до 9 класса, ныне локализованы 2 учреждения, в равной степени окруженные ореолом болезненного и неутолимого желания знать о том, что же там, внутрях, на самом деле происходит — местная Налоговая инспекция и Восточноевропейский институт психоанализа. В клас-

се, где мне показывали первые буквы с картинками, нынче единственный в своем роде Музей сновидений доктора Фрейда. Помещение изменилось до неузнаваемости.

Но теперь я боюсь, что знакомство с трудами Фрейда сильно повредило литературе, хотя мы, писатели, уже не можем существовать без оглядки на оральный, анальный и уретральный периоды становления собственной личности, по инерции конструируя свое прошлое (background) на основании знаний, которые даже современная наука признает сомнительными. В этом случае меня спасает разве что поверхностное знакомство с аутентичными текстами венского доктора.

Нечто похожее испытывал, наверное, Набоков, превративший свое незнание «Психопатологии обыденной жизни» в факт истории литературы, знать который необходимо не только каждому филологу, но и каждому прозаику, осваивающему постнабоковское литературное пространство.

Знать хорошо, пока не пишешь. Любая позитивная специнформация для писателя — фактор, до известной степени негативный, требующий преодоления, наглого личного вмешательства, вольного или невольного смещения, поскольку в тексте художественном факты приобретают двойное гражданство, подлежа одновременно и законам «реальности, данной нам в ощущениях», и внутренним законам языка, у которого собственная картина реальности.

Языковая реальность по сути своей архаична, так как порождена окаменело-доисторической картиной мира и эпизодически воспроизводит независимо от нашего желания древнейшие клише, строя простран-

ственно-временные отношения между предметами и понятиями по родоплеменному принципу, то есть разделяя единый поток информации на два русла — «свое» и «чужое». Писатель всегда действует на неисследованной, чужой территории, вооруженный полуосознанной памятью о «своем» опыте, который опознается как свой собственный опыт лишь в момент присвоения чужого. Если угодно, такой момент может быть обозначен словом «творчество».

В большей степени это касается творчества поэтического, где архаизующая власть языка явно доминирует над актуальной властью вещей, и поэтому, когда поэт «ошибается» или «врет», его оплошность может быть квалифицирована как сопротивление самого языка власти вещей.

В заключение, возвращаясь к подростку-поэту, который брел ложным путем «в Назарет» (а не в Дамаск, куда следовало бы двинуться неофиту), не то что бы в его оправдание, но справедливости ради хочу обратить внимание на принцип выбора конечной точки маршрута — не географически-смысловой, а фонетический, использующий механизмы семасеологии, переразложения, ложной этимологизации. Младенчество-Заря жизни (в том числе и вечной!) — отсюда На-Заре-т как цель пути вспять, а не фактически верный Вифлеем.

«Пионерская зорька» в Вифлееме — поэтический абсурд. Абсурд житейский в том, что Евгений Пазухин поселился ныне в городе Баден-Бадене и постепенно становится похож на стареющего писателя Тургенева, который, как известно, за всю свою жизнь так ни разу и не удосужился прочесть Евангелие. Откуда, впрочем, это известно мне — точно

сказать затрудняюсь. Кажется, прочел у Розанова. Чистый бэкграунд.

Последнее. Я по наивности полагал, будто эссе о бэкграунде завершено и в качестве готовой, законченной вещицы показал его поэту и библиографу Российской национальной библиотеки Сергею Стратановскому. Тому самому Сереже, кто несколько десятилетий назад стал жертвой студенческого розыгрыша с невольным участием все той же Лены Рабинович: она якобы проиграла его в карты — мне, автору этих строк, и должна была зарезать поэта с помощью опасной бритвы и полотенца, во что он сам вроде бы поверил, будучи человеком не только предельно наивным в житейских делах, но и поэтически чутким к таким предметно-лингвистическим мелочам, как «полотенце» в сочетании с «опасной бритвой».

И поэтому у меня есть все основания доверять устному сообщению С.Г.Стратановского (единственного, кстати, сына Г.А.Стратановского, переводчика флавиевой «Иудейской войны», так и не опубликованной в СССР, поскольку вспыхнувшая осенью 1967 года Семидневная война враз перечеркнула семилетний труд переводчика, не без помощи, впрочем, будущего семимесячного премьера России г-на Примакова, бывшего в конце 60-х главным экспертом ЦК КПСС по ближневосточным делам). Сережа Стратановский, выслушав предложенный его вниманию текст о пионерском Назарете, нервно забегал по комнате и в конце концов — почему-то с улыбкой, то ли извиняющейся, то ли, наоборот, лукавой — сообщил мне о том, что согласно новейшим богословским данным исторический Иисус родился, ско-

рее всего, все-таки в городе Назарете, а Вифлеем — позднейшая интерполяция, долженствовавшая привести евангельский текст в соответствие с ветхозаветными пророчествами. Со времен пророка Исайи иудеи были убеждены, что Мессия явится именно из Вифлеема. Они это знали с той же степенью достоверности, с какой невежественный ленинградский поэт утверждал свою поэтическую истину. И не исключено, что тоже были правы. В конечном итоге.

МУЗЫКА В ПАВЛОВСКЕ

мне вороги домашние сказали
что враг иноязыкий у ворот
что музыка на Павловском вокзале
напалмом сожжена и больше не встает

а ты поди вставай из глины незалежной
обуй сознание в чужие сапоги
и в тело облекись прикрытое одеждой
узнав которую враги

панический огонь пустой огонь прицельный
пускай ведут пускай и ты полег
зато от жизни будущей смертельной

так защищен как музыка поет
забытая на Павловском вокзале

ДЕТСКОЕ СЕЛО

забудется и Детское Село
и цепи спецпереселенцев
и как над парком гарно и серо
когда ведут понурых пленных немцев
перед житомирскими брянскими кого
сгрузили ссыпали под насыпь с эшелонов
как безымянное незлое вещество
для удобренья раненых газонов
не довезли до станции — вокзал
разрушен говорят и где еще поселят
начальник не сказал
а холодно-то как! и холодно глазам
край света ведь не наш нерусский север
родного — только Детское село

и то забудется

ГОЛОСА

не антиугонной сирены хохот безумный
и не плач ребенка за перегородкой фанерной
голоса которыми я говорю
чаще всего беззвучны
сам их бывает не слышу
а уж на каком языке
Бог его знает
если о нас безъязыких
что-то Ему известно
имя хотя бы даты жизни
латинское названье травы
не имеющей тени
и шума
под ветром не производящей

ИТОГИ

кому итоги а кому и так
непроходимый страшный суд
как бы не выключен видак
хотя экран разбит
динамик вырван с мясом вон
но свет и звук живут
а лента шелестит
для зрителя иных времен
или иных планид

ПО БРАЙЛЮ

неужели я только болезнь
помутнение зренья
и читаю по язвам по резям
как по брайлю: толстой. «воскресенье»

или пятница? том необъятный
там легко на картонных страницах
исцеляются — можно вернуться обратно
даже заново как бы родиться

имитация смыслов огромных
или танец в найт-клубе кислотном
а наутро — очищенный саша миронов
обличенный в садизме холодном

ригористкой-женою он тоже
есть по-своему та же катюша
и по книжной его по гусиной по нежной наверное
коже
повесть катится рвущая душу

под руками другого слепца
то ли сына то ли отца

ДВАЖДЫРОЖДЕННОЕ УТРО

дваждырожденное утро
начало всего
что начинается или когда-то начнется
просыпаюсь от ослепительной боли
спайка летнего солнца с легким дождем
склейка монтажная
ножницы скотч —
и по живому
без морфия без морфея

ЧЕЛОВЕК ИЗ ПОЛОТЕНЕЦ

другие жизни и другие смерти
моя средь них младенец
еще играющий в предсердьи
как человек из полотенец

неловко сшитый
без глаз — но кукла
и ничего-то не прожито
а так, припухло

игла споткнется и уколом
ее разбужен
себя ли я увижу голым
и распеленутым — и вчуже

или с тобою

лежим переплетая руки
ну точно дети
с родителями не в разлуке —
в том, *синем* свете

МУСОР

русский флаг еще вчера казался красным
а сегодня сине-красно-бел
но приварок цвета не указ нам
те же мы кого когда-то на расстрел
уводили на рассвете конвоиры
кто расстегивая кобуру
по ночам врывается в квартиры
и кровавым следом по ковру
тянется из той литературы
что с лотков у станции метро
начисто исчезла как задули
ветры новые — не ими ли смело
красный мусор мусор белый мусор синий

ДО ПУШКИНА

нету еще слова *штурм*
шум сраженья гвалт ордынский
схватка Репы и Редиски
победитель Скопин-Шуйский
под Изборском
на коне как маршал Жуков
пушки пушки против луков
пушкин будущий в уме
луч во тьме
зря он пишет англичанин:
Русь во тьме

жили утром хоть и хмурым
спать ложились на заре
пятками к литературам
теменем к печной золе

ПЧЕЛА

топорное ***теперь***
бетонное *вчера*
и лазерное *послезавтра*
и нету ничего как только ты за дверь
в окно влетит имперская пчела
она хозяйка здесь хотя и полосата

она кружит по комнате пустой
над блюдцем обведенным золотинкой
с вишневой пенкой
ей нету ничего лишь отсвет золотой
лишь граммофон вертинского за стенкой
жужжанье тонкое то леннона то стинга

засахареный мед
хиты былых времен
где нас никто не ждет как мы **их** ждали
где нету ничего и сами не поймем:
да есть ли что-то что и глаз неймет
глаз не фасеточный а солнечный с дождями



СОДЕРЖАНИЕ

Часть вторая

СТИХИ ПОСЛЕ СТИХОВ. ТЕКСТЫ 1999

Часть третья
НА ПОРОГЕ. ТЕКСТЫ 1994

Часть четвертая
МУЗЫКА НА ПРОЩАНЬЕ



Виктор Борисович Кривулин

Стихи после стихов

Главный редактор *С.В.Цветков*
Выпускающий редактор *Е.П.Николаева*
Технический редактор *Г.В.Мисюль*
Художественное оформление *Н.С.Цветковой*
Корректоры *В.О.Кондратьева, Л.А.Макеева*
Компьютерная верстка *Т.Б.Журавлев*

Сдано в печать 12.03.2001. Формат 70x90 1/32
Печать офсетная. Офсетная бумага № 1
Гарнитура Peterburg. Усл. печ. л. 5,27
Тираж 1000 экз. Заказ № 66

Лицензия ЛР № 070937 от 15 мая 1998 г.

Издательство
«Русско-Балтийский информационный центр
"БЛИЦ"»
191011, Санкт-Петербург, Думская ул., д. 3
Тел.: (812) 279-52-91 (отдел реализации)
факс: (812) 314-87-85; e-mail: blitz@blitz.spb.ru
www.blitz.spb.ru

Лицензия ИД № 01491 от 10.04.2000 г.

Издательство «Петербургский писатель»
191104, Санкт-Петербург, Литейный пр., 36
Т.: (812) 279-52-91 (отдел реализации)
Факс: (812) 279-17-65; e-mail: blitz@blitz.spb.ru
www.blitz.spb.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГИПП «Искусство России»
198099, С.-Петербург, Промышленная ул., д. 38/2

ISBN 5-86789-135-6



РУССКИЙ P.E.N. CLUB САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Измена и прощение, иллюзии и расплата за них, беспомощность отдельного человека, вовлеченного помимо своей воли в круговорот исторических событий, — сквозные музыкальные темы новой книги одного из основателей так называемой второй культуры (культуры андеграунда), известного петербургского поэта Виктора Кривулина.

«Любая позитивная специнформация для писателя — фактор, до известной степени негативный, требующий преодоления, наглого личного вмешательства, вольного или невольного смещения...»

Именно так Виктор Кривулин декларирует неизбежность новаторства, движения вперед, на которые обречено подлинное поэтическое творчество.